



МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.5>

UDC 81-112.2
LBC 81.04



Submitted: 24.08.2023
Accepted: 01.12.2023

THE STRUCTURE AND LINGUISTIC REPRESENTATION OF *SANCTIO* IN OLD ENGLISH AND OLD RUSSIAN CHARTERS

Tatiana Yu. Belonogova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Abstract. The article identifies universal and specific structural and linguistic peculiarities of the *sanctio* (prohibitive formula / curse), an element of the main part of the Old English (Anglo-Saxon) and Old Russian charters. The analysis has shown that the prohibition of violating a contract or changing its terms and the punishment awaiting those who violate the contract are universal and integral components of the internal form of the *sanctio* of Anglo-Saxon and Old Russian charters. The motive for breach of a contract also belongs to the universal components of the *sanctio* but is optional and not presented in all documents. In both Anglo-Saxon and Old Russian charters, violation of the contract was identified with the commission of a sin and was prosecuted by religious sanctions. The distinctive feature of the Anglo-Saxon charters in Latin was the usage of Christian images alongside the images of ancient mythology resulting from the borrowing of ready-made formulas from Latin documents and the increasing influence of the Christian Church. Old Russian charters, apart from spiritual punishment, contained mentioning the secular punishment, either monetary or corporal. Syntactically, the *sanctio* were conditional constructions, characterized by prescriptive modality and reflecting some elements of colloquial speech (in Old Russian charters). The use of negatively coloured vocabulary (mainly in Anglo-Saxon charters) had to increase the emotional impact on the participants of the legal act. Appealing to the feeling of fear, which served as a means of maintaining law and order, the compilers of the charters threatened the potential transgressor with God's punishment. They called on the Lord, the Most Holy Theotokos (in Old Russian charters) and various saints to be heavenly judges. The linguistic peculiarities of sanctions are presented in their functional syncretism, blending of the spheres of legal, everyday, and religious communication.

Key words: *sanctio*, sanction, prohibitive formula, Anglo-Saxon charter, Old Russian charter, functional syncretism.

Citation. Belonogova T. Yu. The Structure and Linguistic Representation of *Sanctio* in Old English and Old Russian Charters. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 1, pp. 56-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.5>

**СТРУКТУРА И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ *SANCTIO*
В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАМОТАХ****Татьяна Юрьевна Белоногова**

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье описаны универсальные и специфические структурные и языковые черты *sanctio* (запретительной формулы / формулы заклатья) – значимого элемента древнеанглийских (англосаксонских) и древнерусских грамот. Запрет на нарушение договора или изменение его условий и наказание, ожидающее того, кто нарушит договор, являются универсальными и обязательными компонентами внутренней формы *sanctio* англосаксонских и древнерусских грамот; мотив нарушения договора, будучи универсальным компонентом, представлен факультативно. Показано, что в грамотах нарушение договора отождествляется с совершением греха и преследуется религиозными санкциями. В англосаксонских грамотах на латинском языке обнаружено смешение Христианских образов и образов античной мифологии, возникающее в результате заимствования из латинских документов готовых формул и усиливающегося влияния Христианской церкви, в древнерусских грамотах наряду с духовным наказанием – упоминание мирского наказания (телесного или денежного). Определено, что синтаксически *sanctio* – условные конструкции, характеризующиеся прескриптивной модальностью, которая реализуется глагольными формами и категориями, и в древнерусских грамотах отражающие разговорные элементы. Выявлено, что использование негативно окрашенной лексики (преимущественно в англосаксонских грамотах) усиливало эмоциональное воздействие на участников юридического акта. Апеллируя к чувству страха как средству поддержания законопорядка, составители грамот грозили Божьей карой и призывали в небесные судьи Господа, Пресвятую Богородицу (в древнерусских грамотах), различных святых. Установлено, что языковая специфика санкций обусловлена их функциональным синкретизмом, смешением сфер правовой, бытовой, религиозной коммуникации.

Ключевые слова: *sanctio*, санкция, запретительная формула, древнеанглийская грамота, древнерусская грамота, функциональный синкретизм.

Цитирование. Белоногова Т. Ю. Структура и языковая репрезентация *sanctio* в древнеанглийских и древнерусских грамотах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 56–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.5>

Введение

Статья посвящена рассмотрению структурной и языковой специфики одного из важнейших элементов композиционной структуры древнеанглийских (англосаксонских) и древнерусских грамот – санкции (от лат. *sanctio*), представляющей собой запрет на нарушение условий документа и предусматривающей ту или иную меру ответственности за невыполнение договора.

Англосаксонскими грамотами, или хартиями (англ. *charter*) называются различные по назначению документы, которые предоставляли какие-либо права или привилегии, фиксировали сделки и оформляли правоотношения между контрагентами. Они представлены королевскими и частными хартиями,

земельными пожалованиями, договорами аренды, завещаниями [Keynes, 2001, p. 99]. Для номинации такого документа в текстах древнеанглийского периода использовались лексемы *bóc* «документ, грамота, устанавливающая право собственности» или *ge-writ* «письменный документ, грамота»:

(1) др.-англ. *Ðis is seó bók, ðe Æðelstán cing gebócode Friþestáne bisceope* (DAAS, p. 187) – Это грамота, которую король Этельстан даровал епископу Фритестану (здесь и далее перевод с древнеанглийского и латинского наш. – Т. Б.);

(2) др.-англ. *7 þis gewrit was awriten on Wintanceastre* (DAAS, p. 159) – и эта грамота была написана в Винчестере.

Земля, переданная на основании грамоты, главным образом, в пользу представите-

лей знати или церковных учреждений именовалась *bóc-land* (бокленд) – форма землевладения, схожая с вотчиной; она стала основой возникновения феодального землевладения в Англии. Однако после нормандского завоевания (XII в.) в результате утраты древнеанглийской юридической письменной традиции лексема *bóc* в значении «документ, грамота» вышла из употребления. В этот период в лексический состав английского языка вошел термин *charter*. Он имеет латинское происхождение (лат. *cartula* букв. *small paper*) и заимствован из старофранцузского (старофр. *charter* «charter, letter, document»):

(3) др.-англ. *Ich Æðelstan... grantye and confirmye by ðisse minre charter* (1250 г.) (ASChart, № 23) – Я, Этельстан... передаю в дар и подтверждаю дарение моей грамотой.

Слово *грамота*, являясь заимствованием из греческого языка (греч. *γράμμα*), первоначально имело значение «письменность, письмо, азбука», однако уже в ранних памятниках древнерусской письменности (летописях, законодательных актах) оно встречается в значении «деловой документ, акт» (Исаев, 2001):

(4) *Иже лживую грамоту списавыи о продажи какова либо мѣста, и съ приобщеники своими, руки ихъ усѣчени будутъ* (СлРЯ XI–XVII, с. 119).

На Руси грамотами назывались, главным образом, документы договорного характера – акты, а также официальные и частные письма, представленные на пергаменте, бересте, а с XIV в. и на бумаге [Большая Российская энциклопедия, 2007, с. 619]. Наибольшее распространение слово *грамота* по отношению к деловым документам получило в X–XVII века. Начиная с XVIII в. «в связи с введением западно-европейской номенклатуры официальных документов термин “грамота” стал употребляться значительно реже» [Большая Российская энциклопедия, 2007, с. 619].

Англосаксонские и древнерусские грамоты представляют собой неопределимый источник для изучения эволюции языковых явлений, фактов истории и культуры, общественных и семейных отношений, быта. В них находят свое отражение языковая картина мира и ре-

лигиозное сознание средневекового человека. С конца XVIII – начала XIX в. и вплоть до настоящего времени англосаксонские и древнерусские грамоты не раз становились объектом трудов по истории и лингвистике. При этом рассматривались лексические и грамматические особенности различных видов грамот, написанных на пергаменте и бересте [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015; Gallagher, 2018; Schendl, Wright 2011], синтаксическое строение [Борковский, 1958; Литвина, 1995; Стеценко, 1977; Carlton, 1970] жанровая специфика [Качалкин, 1988; Алексеев, 1974; Морковина, 2005; Tollerton, 2011], композиционная структура и отдельные элементы формуляра, в том числе санкции [Андреев, 1986; Каштанов, 1970; Климкович, 2006; Castle, 2016; Hofman, 2008]. Создание электронных баз данных англосаксонских и древнерусских грамот «The Electronic Sawyer», «GRAMOTY.ru», «Drevlit.ru» сделало их доступным для широкого круга ученых и вновь всколыхнуло интерес к данным текстам. Тем не менее стоит отметить, что работы, посвященные как сопоставительному анализу англосаксонских и древнерусских грамот в целом, так и их отдельным элементам, в частности санкциям, единичны. Между тем сопоставительное исследование англосаксонских и древнерусских грамот и их отдельных элементов позволит раскрыть особенности генезиса документных текстов в разных языках, выявить их универсальные и национально-культурные особенности, что будет способствовать становлению целостной картины возникновения и эволюции официально-делового стиля в английском и русском языках.

Цель статьи – установить универсальные и специфические черты структуры и языкового оформления *sanctio*, представленные в древнеанглийских и древнерусских грамотах.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты древнерусских (70 грамот) и англосаксонских грамот (70 грамот на латинском и древнеанглийском языках), опубликованные в сборниках Б. Торпа, А. Робертсон, Ф. Хармер, С.Н. Валка, Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина (см. список источников). Для анализа привлекались также данные электронного

онлайн-каталога англосаксонских грамот – The Electronic Sawyer: Revised Catalogue of Anglo-Saxon Charters.

Хронологические рамки исследования ограничены древнеанглийским и древнерусским периодами в истории английского и русского языков соответственно. Нижняя хронологическая граница обусловлена наличием самых ранних сохранившихся англосаксонских (VII в.) и древнерусских (XII в.) грамот. Верхняя хронологическая граница определяется окончанием древнеанглийского (XI в.) и древнерусского (XIV в.) периодов. Несмотря на значительные различия в хронологии, древнеанглийские и древнерусские тексты этих периодов сопоставимы по ряду причин.

Прежде всего необходимо отметить, что указанное время характеризовалось распространением христианства, которое оказало существенное политическое, культурное и языковое влияние на становление древнеанглийского и древнерусского государств. Одним из наиболее значимых результатов принятия христианства стало введение в Англии латинского алфавита, появление и развитие кириллической письменности в Древней Руси, использование латинского и церковнославянского языков.

Таким образом, англосаксонское и древнерусское общества находились в схожей ситуации по отношению к более ранним письменным культурам: ими были восприняты, как отмечает Т.В. Гимон, «многие навыки и представления, связанные с письмом, извне – от Римской церкви и кельтов (Англия), из Византии, Болгарии и, возможно, из западнославянских стран (Русь)» [Гимон, 2011, с. 20]. Помимо этого, как в Англии, так и в Древней Руси, модели текстов юридического и экономического характера складывались на основе образцов римского права, несмотря на то что его рецепция в Древней Руси имела свои особенности и проходила под влиянием византийского (греко-римского) права [Ярушева, 2016].

Однако при указанных сходствах письменных культур англосаксонского и древнерусского обществ, между ними были существенные различия, которые проявлялись в сферах применения и функционирования латинского и церковнославянского языков. На территории

раннесредневековой Англии как в качестве языка богослужения и церковной литературы, так и языка официальных документов использовалась латынь, диалекты древнеанглийского языка применялись в ситуациях бытового общения [Timofeeva, 2013]. В Древней Руси статусом языка богослужения и литературного языка обладал церковнославянский, на котором создавались произведения духовного содержания. Тексты юридического и делового содержания подверглись «минимальному влиянию церковнославянского языка» [Улуханов, 2002, с. 25]. Сосуществование церковнославянского литературного и русского административного считается «самой оригинальной чертой языкового развития в России» [Успенский, 1994, с. 15], подобной которой «не было ни у западноевропейских, ни у западнославянских народов» [Успенский, 1994, с. 15]. Как следствие, язык древнерусских грамот характеризовался крайне ограниченным использованием церковнославянизмов. Англосаксонские же грамоты вплоть до IX в. писались исключительно на латинском языке [Gallagher, 2018, с. 207]. Первые случаи применения в них древнеанглийского языка прежде всего для описания границ передаваемой в дар земельной собственности (boundary clauses) ученые датируют IX в. [Lowe, 1998, p. 73], однако доминирование латинского языка в текстах англосаксонских грамот сохранилось и после IX в., поскольку латынь продолжала выполнять роль языка науки, образования и юриспруденции.

Как известно, древнеанглийский язык не был однородным и был представлен четырьмя диалектами [Vaugh, Cable, 2002, p. 47]. Борьба англосаксонских королевств, завершившаяся их объединением под властью Уэссекса, привела к возвышению Уэссекского диалекта, ставшего в течение IX в. основным письменным языком, на котором было создано подавляющее большинство письменных памятников древнеанглийского периода, в том числе англосаксонские грамоты [Vaugh, Cable, 2002, p. 47]. В развитии языка деловой письменности древнерусского периода ученые выделяют два подпериода: Киевской Руси (X–XII вв.) и феодальной раздробленности (XIII–XIV вв.). Несмотря на увеличение видов документов в XIII–

XIV вв., деловой язык этого времени не подвергся каким-либо существенным трансформациям. Исследуя языковые особенности древнерусских грамот, ученые отмечают в них чрезвычайно небольшое количество диалектных различий. В частности, новгородские пергаменные грамоты «ориентированы на наддиалектные нормы; новгородизмы появляются в них только как отступления... от этих норм» [Зализняк, 2004, с. 12].

Появление древнеанглийских и древнерусских грамот было обусловлено потребностями древнеанглийского и древнерусского обществ, которые характеризовались становлением государственности, формированием различных договорных и имущественно-правовых отношений, требующих письменного закрепления.

Назначение документа предопределяло его структуру, так называемый «формуляр», то есть схему или модель построения, для исследования которой был разработан метод формулярного анализа [Лаппо-Данилевский, 2007; Данилевский и др., 2004; Каштанов, 1970; и др.]. При помощи этого метода ученые определили общую схему построения грамот, включающую начальный протокол, основную часть и конечный протокол [Лаппо-Данилевский, 2007]. Каждая из трех представленных частей дробится на более мелкие составляющие. Так, в основной части может быть максимально реализовано 6 элементов: преамбула, публичное объявление, изложение событий, предшествовавших составлению документа, условия сделки, санкция и удостоверительные сведения [Каштанов, 1970, с. 27]. Использование данной схемы позволяет установить особенности внутренней структуры каждого документа и выявить его универсальные и специфические черты.

Основой для сопоставительного анализа стало сходство функционального назначения исследуемых грамот (фиксирование результата сделки), коммуникативной цели (передача прав или собственности), содержания (определение условий сторон) и композиционной структуры (наличие общих структурных элементов).

Объектом данного исследования является санкция (лат. *sanctio*) или «запретительная формула», «формула заклатья» [Алексеев, 1974] как один из важнейших элементов, входящих в

основную часть англосаксонских и древнерусских грамот. Англосаксонские и древнерусские грамоты имели договорной характер, так как фиксировали сделки и определяли условия [Маловичко, 2002]. Санкция в англосаксонских и древнерусских грамотах представляет собой запрет на нарушение договора и предписывает меру ответственности, возникающей вследствие нарушения запрета. В формуляре средневековых актов представлены санкции духовного и светского характера. Санкции духовного характера (лат. *sanctio spiritualis*) сводились к перспективе небесной кары, в то время как санкции светского характера (лат. *sanctio temporalis*) предполагали, главным образом, денежное взыскание или телесные наказания [Чиркова, 2019, с. 31].

Для выявления языковой специфики санкций в древнеанглийских и древнерусских грамотах использовались методы лексико-грамматического, лингвостилистического, контекстуального и сопоставительного анализа.

Результаты и обсуждение

Санкции в англосаксонских грамотах

При анализе внутренней формы санкций в англосаксонских грамотах нами были выделены следующие компоненты.

I. Мотив или причины нарушения договора, такие как зависть, дерзость или «дьявольское наваждение»:

(5) др.-англ. gif he þonne to þan gedyrstig wære... (DAAS, p. 166) – если он будет настолько дерзок...;

(6) лат. Si quis igitur tetri demonis stimulatione instinctus... (TES, S 595) – Если кто-то побужденный дьявольским наваждением...

II. Запрет на нарушение договора, его изменение:

(7) лат. ...nostrum decretum infringere uoluerit (TES, S 595) – ...наше указание захочет нарушить;

(8) др.-англ. ...þe þas gife æfre awende ofþe gewanude (SEHD, № 23) – ...того, кто этот дар когда-либо изменит или уменьшит/

III. Собственно наказание.

Как показали результаты анализа, нарушение договора отождествлялось с соверше-

нием греха, в результате этого в санкциях англосаксонских грамот преобладало наказание духовного характера. Оно могло настичь того, кто нарушил договор, при жизни (отлучение от церкви, анафема) и/или после смерти (Страшный суд, муки в аду):

(9) лат. ...sit anatematizatus (TES, S 581) – будет предан анафеме;

(10) др.-англ. ...sioe he awænded fram God (TES, S 1148) – он будет отлучен от Господа;

(11) др.-англ. ...sy his lif her gescert. 7 his wunung on helle gründe... (TES, S 985) – жизнь его сократится и пребывание его будет в аду.

При этом упоминание известных грешников, считающихся попавшими в ад, было призвано усилить чувство страха, воспринимаемого в средневековом обществе как основное средство предотвращения правонарушения и поддержания установленного порядка:

(12) др.-англ. 7 gif hwa this awendan wylle sy he fordemed mid Iudan Scariothe (TES, S 115) – и, если кто-то захочет это изменить, он будет проклят вместе с Иудой Искаротом.

IV. Отсутствие покаяния или искупления совершенного нарушения договора:

(13) др.-англ. ...nymðe heo hit her mid þingonge bote gebete (TES, S 98) – если они здесь не искупят свою вину возмещением;

(14) др.-англ. ...buton he þe hrædlicor þæt forlæte . 7 on riht eac eft gewende (TES, S 1487) – если он это быстро не оставит и также потом по праву не вернет;

(15) лат. ...nisi prius digna satisfactione emenda[ue]rit (TES, S 177) – если прежде достойно не исправит возмещением.

Таким образом, согласно англосаксонским грамотам, того, кто по какой-либо причине нарушит договор или изменит его условия, будет ждать «кара небесная», при условии, что он не искупит свою вину должным образом:

(16) лат. Siquis autem hanc donationem meam inuido maliuoloue infringere temptauerit animo. sit separatus in hoc seculo a participatione corporis et sanguinis domini nostri Iesu Christi. et in futuro a cetu omnium sanctorum segregatus nisi antea suam presumptionem digna satisfactione correxerit (TES, S 34) – Но, если кто-нибудь это мое дарение попы-

тается нарушить завистливой злой душой, будет отлучен в этом веке от принятия тела и крови Господа нашего Иисуса Христа, и в будущем веке от всех святых будет отделен, если он перед этим свое упорство достойно не исправит возмещением.

Необходимо отметить, что выделенные содержательные компоненты представлены не во всех санкциях, при этом обязательными являются запрет на нарушение договора, его изменение и собственно наказание, факультативными – мотив нарушения договора, возможность искупления проступка и возмещение ущерба.

Санкции, или, другими словами, запретительные формулы, имели прескриптивный характер, то есть предписывали действия адресата и характеризовались обязательностью их выполнения. На морфологическом уровне прескриптивный характер выражался в употреблении форм сослагательного наклонения в активном или пассивном залоге как в грамотах на латыни, так и в грамотах на древнеанглийском языке: лат. *pūniātur* «будет наказан», *torqueantur* «будет замучен», *corrōditur* «будет терзаем», *sit separatus* «будет отлучен», др.-англ. *aebbe* «навлечет», *sy amansumod* «будет отлучен», *sy ætbroden* «будет лишен», *sy fordemed* «будет проклят» и т. д.

Синтаксически санкции представляют собой условные конструкции, начинающиеся с древнеанглийского или латинского условных подчинительных союзов *gif* и *si* «если»:

(17) др.-англ. *gif ecmu: ...gif aenig monn ðas ure ge witnisse incerre non owihte ðaet he aebbe ðaes aelmaechtgan godes [unhlisan]* (SEHD, p. 6) – если какой-либо человек изменит это каким-либо образом, он навлечет на себя проклятие Всемогущего Господа;

(18) лат. *si* если: *Siquis uero minuere uel fraudare presumpserit hanc donationem . sit separatus a consortio sanctorum* (TES, S 514) – Если же кто-то дерзнет уменьшить или отнять это дарение, будет отлучен от общества святых.

Грамоты писались непрерывным текстом, система пунктуационных знаков была неразвита, и некоторые из них были добавлены в более позднее время. Данная особенность значительно затрудняет точное определение границ предложения. Однако во многих случаях начало предикативной единицы отмечено со-

юзом. Самым частотным был сочинительный союз *and* или его графический эквивалент, напоминающий цифру 7. Подобный способ соединения предложений получил название «союзное» или «цепочечное нанизывание». Зачастую союз *and* использовался вместе с подчинительными союзами, в частности *gif*, маркируя начало условной конструкции:

(19) др.-англ. *and gyf ænig man sý swá dystig on gæp God ðæt ðis áwendan wille...* (TES, S 981) – и, если какой-нибудь человек будет таким дерзким против Господа, что это захочет изменить...

В лексическом плане отличительной особенностью санкции как элемента англосаксонской грамоты является наличие негативно окрашенных эмоционально-оценочных лексем, которые выражают отношение сторон договора к его нарушению и тому, кто это совершит. Тот, кто осмелится нарушить договор, считался дерзким (др.-англ. *dyrstig*), алчным (лат. *avarus*) и завистливым (лат. *invidus*). Он навлек на себя позор и проклятие (др.-англ. *unhlisa*, *awyrgednes*), а незаконное присвоение чужой собственности называлось подлым грабежом (др.-англ. *mánfull reáflác*).

Помимо этого, лексический состав англосаксонских грамот характеризуется использованием названий античных мифологических существ и объектов подземного мира:

(20) лат. *...et dentibus Cerberi infernalis sine termino cum daemonibus omnibus Stigia palude cogrodetur* (TES, S 914) – и зубами адского Цербера со всеми демонами бесконечно будет терзаем в болоте Стикса;

(21) лат. *...sit ipse sub stigei fluminis undam pteseps in ima tartara trusus* (TES, S 595) – будет низвергнут в волны реки Стикс в глубину Тартара.

Использование таких лексических единиц, встречающихся исключительно в англосаксонских грамотах, написанных на латинском языке, вызывает среди исследователей множество споров. Некоторые специалисты объясняют этот факт тем, что англосаксонские грамоты писались по образцу латинских документов, и санкции, содержащие упоминание античных мифологических существ и объектов, были, возможно, заимствованы в виде готовых формул. Средневековое право вообще характеризовалось приверженностью

к формализму, сильный толчок которому дала католическая церковь, собиравшая документы, разрабатывавшая образцы и картулярии (сборники копий грамот). Очень часто образцы были построены таким образом, что оставалось внести только имена сторон и название местности [Хрестоматия..., 1961, с. 46–47].

Другие ученые полагают, что составители грамот на латыни использовали античную мифологию, чтобы придать изложению более высокий стиль или показать уровень своего образования: «...the usage of classical mythological vocabulary may have been prompted by a wish to embellish the sanctions in order to put them into a higher stylistic register or perhaps even to “show off” one’s education» [Hofman, 2008, с. 149] – ...использование лексики из классической мифологии могло быть вызвано желанием приукрасить санкции, чтобы придать им более высокий стиль или, возможно, даже «продемонстрировать» свое образование (перевод с английского наш. – Т. Б.).

В грамотах, написанных на древнеанглийском языке, античные мифологические образы были вытеснены библейскими (например, муки в аду, отлучение от принятия тела и крови Христова, имя Иуды как величайшего грешника) под влиянием распространившегося по всей территории раннесредневековой Англии христианства. В результате постепенной секуляризации и эволюции договорного права в Англии санкции сакрального характера перестают упоминаться к XIII в. [Castle, 2016, p. 180].

Санкции в древнерусских грамотах

Санкции в древнерусских грамотах имели схожую с англосаксонскими внутреннюю форму. В них мог быть представлен мотив или причина нарушения договора, объясняемые влиянием злых сил:

(22) Аще кто диявольмъ [науч]ень и злыми [человѣкы наважень цють] хочеть отъяти, от нивъ ли, от пожнь ли, или от ловищъ, а буди ему против[нь] святии Спасъ и въ сь вѣкъ и въ будущии (ГВНП, № 104).

Запрет на нарушение договора, его изменение:

(23) А хто сю грамоту переступить, на того богъ и святый Спасъ (ГВНП, № 109);

(24) А кто сие мое слово переставить, ино судить ему богъ и святый мученикъ Георгии въ семь вѣцѣхъ и въ будущемъ (ГВНП, № 79).

В некоторых случаях нарушение договора детализировалось. Так, земельное пожалование нельзя было отнимать, ни полностью, ни частично. Никто не мог им пользоваться за исключением одаряемого:

(25) Да же который князь по моему княжению почынетъ хогѣти отъяти у святого Георги[я, а] богъ буди за тѣмъ и святая богородица, и тѣ святый Георгии у него то отимаеть (ГВНП, № 81);

(26) А въ тое земли, ни въ пожъни, ни въ тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни боярину, ни кому (ГВНП, № 82).

Многие запретительные формулы были направлены против преемников и наследников, которые могли потребовать назад землю, принадлежащую, по их мнению, им:

(27) А кто дѣти мои хъ или братъ моею мое данье порушить, а то судить ему богъ... (ГВНП, № 86).

Как отмечает Ю.Г. Алексеев, такие формулы указывают на неразвитость представлений о земле как частной собственности дарителя. Они свидетельствуют о существовании остатков прежнего восприятия земельной собственности как принадлежащей определенному кругу лиц – родственникам, что, согласно древнему обычному праву, исключало возможность ее передачи [Алексеев, 1974, с. 128]. К XVI в. в результате развития имущественно-правовых отношений подобные формулы выходят из употребления.

Нарушение договора влекло за собой наказание. Однако, в отличие от англосаксонских хартий, в древнерусских грамотах помимо наказания духовного характера, которое могло настигнуть нарушителя договора как при жизни, так и после смерти, с XIV в. встречаются санкции светского характера – штраф или телесное наказание:

(28) А хто сю грамот(у) подвигнетъ моих дѣтей или моих брат(а)ничев, ино ми с нимъ судъ перед богомъ, а дасть тотъ с(в)агоу Тр(ои)цѣ двѣстѣ руб(ле)въ (АСЭИ СВР, № 4);

(29) А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидеть, или кто не иметь ходити по сеи грамотѣ, быти ту от мене от великого князя в казни (ГВНП, № 88).

В санкциях, представленных в древнерусских грамотах, так же, как и в англосаксонских, встречается упоминание имени Иуды, как одного из самых известных грешников, для иллюстрации того, что ждет человека, осмелившегося нарушить договор:

(30) Аще сию грамоту хто преступить, да будетъ проклятъ трети сты святыхъ отецъ и осмынадесятъ и буди ему со Иудою причастье (ГВНП, № 103).

Подкрепляя права новых владельцев религиозными санкциями, составители древнерусских грамот обращались не только к Богу, но и к Пресвятой Богородице, что нехарактерно для англосаксонских грамот:

(31) А хто на сию землю наступить, а то управитъ мати божия (ГВНП, № 102).

На Руси Богородица – это особо почитаемой духовной фигурой. Она считалась заступницей и защитницей русской земли, предстательницей за людей перед Всевышним [Малето, 2003].

Так как пожалования земли осуществлялись, в основном, в пользу монастырей, в запретительные формулы древнерусских грамот включались имена святых, в честь которых эти монастыри были основаны:

(32) А кто почынетъ вступатися въ тое землю, и въ воду, и въ пожни или князь или епискупъ, или хто иметь силу дѣяти, и онъ въ второе пришествие станеть тяжатися съ святымъ Пантелеимономъ (ГВНП, № 82).

Проведенный анализ показал, что обязательными компонентами древнерусских санкций являются запрет на нарушение договора или его изменение и наказание, факультативными – мотивы или причины нарушения договора; упоминание о возможности искупления вины отсутствует.

Прескриптивный характер древнерусских грамот на морфологическом уровне выражается в использовании форм настоящего-будущего времени глагола, приобретающих в запретительных формулах значение должен-

ствования: *дасть, управитъ, судить, отима-
еть, отдасть, станеть тяжатися*. Импе-
ративность реализовывалась также с помо-
щью форм инфинитива и повелительного на-
клонения: *быти в казни, буди противень*.
Частица *да* усиливало значение приказа-
ния: *да судить, да будетъ проклять*.

Синтаксически санкции представлены
конструкциями, маркированными начинатель-
ным союзом *а* или реже церковнославянским
условным союзом *аще*:

(33) А хъто наступи и грамоту нашу поруди,
і онъ богу и пречистой судъ отдасть во ономъ вѣце
(ГВНП, № 283).

В данном контексте определительные
конструкции, начинающиеся с *а кто / хто*,
приобретают условное значение. употребле-
ние соотносительных союзов *то, ино* во вто-
рой части конструкции передает значение
следствия нарушения запрета, результата:

(34) А кто сю грамоту рушит моих детей или
кто моего роду, ино суд ми перед богом (АСЭИ
СВР, № 5).

Отметим, что древнерусские грамоты,
как и англосаксонские – это непрерывный
текст, а функционирование имеющих знаков
препинания отлично от современного. Напри-
мер, для отделения однородных членов мог-
ла ставиться точка после каждого из них. Гра-
ницы предложения графически не отображе-
ны, что затрудняет их точное определение.
Одни предложения нанизывались на другие и
соединялись в крупное синтаксическое целое.
Однако в большинстве случаев каждая сле-
дующая предикативная единица маркирована
каким-либо формальным служебным сред-
ством, например союзами *а, и, да*, получив-
шими название «начинательных». При этом,
как показано Т.М. Николаевой, в летописных
текстах доминировал начинательный союз *и*,
в то время как в деловой письменности чаще
использовался союз *а*. Объясняется это тем,
что деловые тексты в большей степени отра-
жали разговорную речь, в которой данный
союз был более распространен [Николаева,
1997, с. 10].

В целом исследователи отмечают недо-
статочную структурированность и неопреде-
ленность местоположения санкции в древне-

русских грамотах [Черкасова, 2002, с. 37].
По словам ученых, «относительно устойчивая
формула санкции установилась только с XIV–
XV вв., в предшествующий период *sanctio* от-
личалась большим разнообразием и наличи-
ем более ярких образов» [Ельчанинова и др.,
2014, с. 273].

Заключение

Результаты проведенного анализа пока-
зали, что англосаксонские и древнерусские гра-
моты характеризуются функциональным син-
кретизмом, так как сочетают в себе черты
правовой, религиозной, бытовой коммуникации.
Особенно ярко это продемонстрировано в сан-
кции (запретительной формуле), важнейшем
элементе основной части грамот. Универсаль-
ными и обязательными компонентами внутрен-
ней формы санкции англосаксонских и древне-
русских грамот являются запрет на наруше-
ние договора (или изменение его условий) и на-
казание, ожидающее того, кто нарушит дого-
вор. Мотив нарушения договора также принад-
лежит к универсальным компонентам, однако,
будучи факультативным, представлен не во
всех документах. Наличие обязательных и фа-
культативных элементов свидетельствует о не-
достаточной структурированности санкций ан-
глосаксонских и древнерусских грамот; к спе-
цифическим особенностям санкций древнерус-
ских грамот относится вариативность их мес-
тоположения в тексте.

Запретительные формулы носили пре-
скриптивный характер, то есть предписывали
действия адресата и характеризовались об-
лигаторностью их выполнения, которая ре-
ализовывалась на морфологическом уровне с
помощью различных форм и категорий глаго-
ла. Синтаксически санкции в англосаксонских
и древнерусских грамотах представляли со-
бой конструкции с условным значением, мар-
кированные подчинительными или начина-
тельными союзами, и отражали отдельные
особенности разговорной речи (в древнерус-
ских грамотах).

Как в англосаксонских, так и древнерус-
ских грамотах нарушение договора отожде-
ствлялось с совершением греха, и права бе-
нефициаров подкреплялись религиозными сан-
кциями. Страшный суд, муки в аду вместе с

известными грешниками, отлучение от церкви, бездна Тартара и глубины Стикса – неполный список небесных кар, ожидающих того, кто осмелится нарушить волю, изложенную в грамоте. При этом отличительной чертой англосаксонских грамот на латинском языке является смешение Христианских образов и образов античной мифологии, возникающее в результате заимствования из латинских документов готовых формул и усиливающегося влияния Христианской церкви. В древнерусских грамотах помимо санкций, предполагающих духовное наказание, представлены «мирские» санкции – наложение штрафа или телесное наказание. Упоминание Господа, Пресвятой Богородицы (в древнерусских грамотах), различных святых придавало документу авторитетность и весомость. Очевидно, что право на этапе становления было неотделимо от религиозных норм и понятий, соединяя сакральные и светские элементы. Использование негативно окрашенной лексики (преимущественно в англосаксонских грамотах) усиливало эмоциональное воздействие на участников и свидетелей юридического акта. Сопоставительное исследование таких ранних документных текстов, как англосаксонские и древнерусские грамоты позволяет проследить эволюцию договорного права, которое отражало культурный, социальный и политический контекст, в рамках которого оно формировалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Ю. Г., 1974. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской Судной грамоты) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 6. Л. : Наука. С. 125–141.
- Андреев В. Ф., 1986. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. 143 с.
- Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 7. Гермафродит – Григорьев, 2007. М. : Большая Рос. энцикл. 767 с.
- Борковский В. И., 1958. Синтаксис древнерусских грамот: сложное предложение. М. : Акад. наук СССР. 185 с.
- Гимон Т. В., 2011. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси : Сравнительное исследование. М. : Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке. 696 с.
- Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф., 2004. *Источниковедение*. М. : Рос. гос. гум. ун-т ; Ин-т «Открытое общество». 701 с.
- Ельчанинова О. Ю., Оспенников Ю. В., Ромашов Р. А., Ютяева Л. Е., 2014. Система источников русского права X–XVIII вв. / под ред. Ю. В. Оспенникова. Самара : АСТАРД. 427 с.
- Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. М. : Яз. слав. культуры. 872 с.
- Качалкин А. Н., 1988. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 1. М. : Изд-во Моск. ун-та. 119 с.
- Каштанов С. М., 1970. Очерки русской дипломатики. М. : Наука. 502 с.
- Климкович О. А., 2006. Структура зачина жалованных грамот // *Русский язык: система и функционирование : материалы III Междунар. науч. конф.* Ч. 1. Минск. С. 70–73.
- Лаппо-Данилевский А. С., 2007. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб. : Север. звезда. 285 с.
- Литвина А. Ф., 1995. Семантика и синтаксис формул в деловых документах XIII–XVII вв. (на материале русского, белорусского и украинского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 27 с.
- Малето Е. И., 2003. Образ Богородицы в русском средневековом сознании и его эволюция (по материалам хождений XII–XV вв.) // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)* : сб. ст. / отв. ред. А. И. Аксенов. М. [б. и.]. С. 9–23.
- Маловичко М. Г., 2002. Становление и развитие функционального стиля официально-деловой документации в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 252 с.
- Морковина О. В., 2005. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 34 с.
- Николаева Т. М., 1997. Сочинительные союзы а, но, и: история, сходства и различия // *Славянские сочинительные союзы* : сб. ст. М. : ИСБ. С. 3–24.
- Стеценко А. Н., 1977. Исторический синтаксис русского языка. М. : Высш. шк. 351 с.
- Улуханов И. С., 2002. О языке Древней Руси. М. : Азбуковник. 192 с.
- Успенский Б. А., 1994. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис. 240 с.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы, 1961 / отв. ред. В. М. Корецкий. М. : Госюриздат. 950 с.
- Черкасова М. С., 2002. Поземельные акты как источник для изучения религиозного сознания

- средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 8. С. 35–47.
- Чиркова А. В., 2019. Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. СПб. : Нестор-История. 92 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., 2015. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М. : Рус. слов. 288 с.
- Ярушева Л. В., 2016. Влияние славянского, римского, немецкого права на формирование российских источников права // Genesis: исторические исследования. № 1. С. 1–16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313
- Baugh A. C., Cable Th., 2002. A History of the English Language. L. : Routledge. 447 p.
- Carlton Ch. M., 1970. Descriptive Syntax of the Old English Charters. The Hague : Mouton & Co. N. V. Publishers. 200 p.
- Castle K. M., 2016. The Development and Decline of Malediction in the Charters of Anglo-Saxon England : [doctoral dissertation]. Toronto : University of Toronto. 256 p.
- Gallagher R., 2018. The Vernacular in Anglo-Saxon Charters: Expansion and Innovation in Ninth-Century England // Historical Research. Vol. 91, iss. 252. P. 205–235. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2281.12224>
- Keynes S., 2001. Charters and Writs // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England / ed. by M. Lapidge [et al.]. Oxford : Blackwell Publishing. P. 99–100.
- Lowe K. A., 1998. The Development of the Anglo-Saxon Boundary Clause // Nomina: Journal of the Society for Name Studies in Britain and Ireland. № 21. P. 63–100.
- Hofman P., 2008. Infernal Imagery in Anglo-Saxon Charters : [doctoral dissertation]. St. Andrews : University of St. Andrews. 401 p.
- Schendl H., Wright L., 2011. Code-Switching in Early English. Berlin : De Gruyter. 340 p.
- Timofeeva O., 2013. Of ledenum bocum to engliscum gereorde: Bilingual Communities of Practice in Anglo-Saxon England // Communities of Practice in the History of English. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. P. 201–224.
- Tollerton L., 2011. Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. Woodbridge and Rochester. N. Y. : York Medieval Press in Association with The Boydell Press. 327 p.
- начала XVI в. / под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 804 с.
- ГВНП* – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. : Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1949. 407 с.
- ASChart* – Anglo-Saxon Charters / ed. by A. J. Robertson. N. Y. : Cambridge University Press, 2009. 594 p.
- DAAS* – Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici: A Collection of English Charters, from the Reign of King Aethelbert of Kent, A.D. DC.V. to That of William the Conqueror / ed. by B. Thorpe. Clark : The Lawbook Exchange, Ltd, 2008. 724 p.
- SEHD* – Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries / ed. by F. E. Harmer. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 160 p.
- TES* – The Electronic Sawyer: Revised Catalogue of Anglo-Saxon Charters. URL: <http://www.esawyer.org.uk>

СЛОВАРИ

- Исаев* – Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. В 30 вып. Вып. 4. М. : Наука, 1977. 384 с.

REFERENCES

- Alekseev Yu.G., 1974. Chastnyy zemelnyy akt srednevekovoy Rusi (ot Russkoy Pravdy do Pskovskoy Sudnoy gramoty) [Private Land Act of Medieval Rus' (From the Russian Truth to the Pskov Judicial Charter)]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny. T. 6* [Auxiliary Historical Sciences. Vol. 6]. Leningrad, Nauka Publ, pp. 125-141.
- Andreev V.F., 1986. *Novgorodskiy chastnyy akt XII–XV vv.* [Novgorod Private Act of the 12th – 15th Centuries]. Leningrad, Nauka. Leningr. otdnie Publ. 143 p.
- Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. V 30 t. T. 7. Germafrodit – Grigoryev* [Great Russian Encyclopedia. In 30 Vols. Vol. 7. Germafrodit – Grigoryev], 2007. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ. 767 p.
- Borkovskiy V.I., 1958. *Sintaksis drevnerusskikh gramot: slozhnoe predlozhenie* [Old Russian Charters Syntax: A Complex Sentence]. Moscow, Akad. nauk SSSR. 185 p.
- Gimon T.V., 2011. *Istoriopisanie rannesrednevekovoy Anglii i Drevney Rusi: Sravnitelnoe issledovanie* [Historical Writing in Early Medieval England and

ИСТОЧНИКИ

- АСЭИ СВР* – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV –

- Early Rus: A Comparative Study]. Moscow, Rus. Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke. 696 p.
- Danilevskiy I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F., 2004. *Istochnikovedenie* [Source Studies]. Moscow, Ros. gos. gum. un-t, In-t «Otkrytoe obshchestvo». 701 p.
- Elchaninova O.Yu., Ospennikov Yu.V., Romashov R.A., Yutiaeva L.E., 2014. *Sistema istochnikov russkogo prava X–XVIII vv.* [The System of Sources of Russian Law 10th – 18th Centuries]. Samara, ASGARD Publ. 427 p.
- Zaliznyak A.A., 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 872 p.
- Kachalkin A.N., 1988. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. Ch. I* [Genres of the Russian Document of the Pre-Petrine Era. Pt. 1]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 119 p.
- Kashtanov S.M., 1970. *Ocherki russkoy diplomatiki* [Essays on Russian Diplomacy]. Moscow, Nauka Publ. 502 p.
- Klimkovich O.A., 2006. *Struktura zachina zhalovannykh gramot* [The Structure of the Beginning of the Charters of Grant]. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovanie: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Ch. I* [The Russian Language: System and Functioning. Proceedings of the 3rd International Scientific Conf. Pt. 1]. Minsk, pp. 70-73.
- Lappo-Danilevskiy A.S., 2007. *Ocherk russkoy diplomatiki chastnykh aktov* [Essay on Russian Diplomacy of Private Acts]. Saint Petersburg, Sever. zvezda Publ. 285 p.
- Litvina A.F., 1995. *Semantika i sintaksis formul v delovykh dokumentakh XIII–XVII vv. (na materiale russkogo, belorusskogo i ukrainskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and Syntax of Formulas in Business Documents of the 13th – 17th Centuries (Based on the Material of the Russian, Belarusian and Ukrainian Languages). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 27 p.
- Maletov E.I., 2003. *Obraz Bogoroditsy v russkom srednevekovom soznanii i ego evolyutsiya (po materialam khozhdeniy XII–XV vv.)* [The Image of the Mother of God in the Russian Medieval Consciousness and Its Evolution (Based on Pilgrimages of the 12th – 15th Centuries)]. Aksenov A.I., ed. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sb. st.* [Studies on Source Study of Russian History (Before 1917). Collection of Articles]. Moscow, s. n. pp. 9-23.
- Malovichko M.G., 2002. *Stanovlenie i razvitie funktsionalnogo stilya ofitsialno-delovoy dokumentatsii v angliyskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and Development of the Functional Style of Official and Business Documentation in English. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 252 p.
- Morkovina O.V., 2005. *Problema vzaimootnosheniya literatury i delovoy pismennosti v traditsii drevnerusskogo zaveshchaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Problem of the Relationship Between Literature and Business Writing in the Tradition of the Old Russian Will. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tomsk. 34 p.
- Nikolaeva T.M., 1997. *Sochinitelnye soyuzy a, no, i: istoriya, skhodstva i razlichiya* [Coordinating Conjunctions “a,” “no,” “i”: History, Similarities and Differences]. *Slavyanskije sochinitelnye soyuzy: sb. st.* [Slavic Coordinating Conjunctions]. Moscow, ISB Publ., pp. 3-24.
- Stetsenko A.N., 1977. *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka* [Historical Syntax of the Russian Language]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 351 p.
- Ulukhanov I.S., 2002. *O yazyke Drevney Rusi* [About the Language of Ancient Rus’]. Moscow, Azbukovnik Publ. 192 p.
- Uspenskiy B.A., 1994. *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Essay on the History of the Russian Literary Language (11th – 19th Centuries)]. Moscow, Gnozis Publ. 240 p.
- Koretskiy V.M., ed., 1961. *Khrestomatiya pamyatnikov feodalnogo gosudarstva i prava stran Evropy* [Reader on the Records of the Feudal State and Law of European Countries]. Moscow, Gosyurizdat. 950 p.
- Cherkasova M.S., 2002. *Pozemelnye akty kak istochnik dlya izucheniya religioznogo soznaniya srednevekovoy Rusi* [Land Acts as a Source for Studying the Religious Consciousness of Medieval Rus’]. *Drevniia Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], no. 8, pp. 35-47.
- Chirkova A.V., 2019. *Zapadnoevropeyskaya diplomatika Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Western European Diplomacy of the Middle Ages and Early Modern Times]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 92 p.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A., 2015. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod Letters on Birch Bark (From Excavations 2001–2014)]. Moscow, Rus. slov. Publ. 288 p.
- Yarusheva L.V., 2016. *Vliyanie slavyanskogo, rimskogo, nemetskogo prava na formirovanie rossiyskikh istochnikov prava* [The Influence of Slavic, Roman, German Law on the Formation of Russian Sources of Law]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research],

- no. 1, pp. 1-16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313
- Baugh A.C., Cable Th., 2002. *A History of the English Language*. London, Routledge. 447 p.
- Carlton Ch.M., 1970. *Descriptive Syntax of the Old English Charters*. The Hague, Mouton & Co. N. V. Publishers. 200 p.
- Castle K.M., 2016. *The Development and Decline of Malediction in the Charters of Anglo-Saxon England: Doctoral Dissertation*. Toronto, University of Toronto. 256 p.
- Gallagher R., 2018. The Vernacular in Anglo-Saxon Charters: Expansion and Innovation in Ninth-Century England. *Historical Research*, vol. 91, iss. 252, pp. 205-235. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2281.12224>
- Keynes S., 2001. Charters and Writs. Lapidge M. et al., eds. *The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England*. Oxford, Blackwell Publishing, pp. 99-100.
- Lowe K. A., 1998. The development of the Anglo-Saxon Boundary Clause. *Nomina: Journal of the Society for Name Studies in Britain and Ireland*, no. 21, pp. 63-100.
- Hofman P., 2008. *Infernal Imagery in Anglo-Saxon Charters: Doctoral Dissertation*. St. Andrews, University of St. Andrews. 401 p.
- Schendl H., Wright L., 2011. *Code-switching in Early English*. Berlin, De Gruyter. 340 p.
- Timofeeva O., 2013. Of ledenum bocum to englisicum gereorde: Bilingual Communities of Practice in Anglo-Saxon England. *Communities of Practice in the History of English*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 201-224.
- Tollerton L., 2011. *Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. Woodbridge and Rochester*. New York, York Medieval Press in Association with The Boydell Press. 327 p.

SOURCES

- Grekov B.D., ed. *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.* [Acts of Social-Economic History of North-Eastern Russia of the End of 14th – Beginning of the 16th c.], vol. 1. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. 804 p.
- Valk S.N., ed. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of Novgorod the Great and of Pskov]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1949. 407 p.
- Robertson A.J., ed. *Anglo-Saxon Charters*. New York, Cambridge University Press, 2009. 594 p.
- Thorpe B., ed. *Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici: A Collection of English Charters, from the Reign of King Aethelbert of Kent, A.D. DC.V. to That of William the Conqueror*. Clark, The Lawbook Exchange, Ltd, 2008. 724 p.
- Harmer F.E., ed. *Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 160 p.
- The Electronic Sawyer: Revised Catalogue of Anglo-Saxon Charters*. URL: <http://www.esawyer.org.uk>

DICTIONARIES

- Isaev M.A. *Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiej do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva* [An Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: From the Treaties with Byzantium up to the Charters of Moscow State]. Moscow, Spark Publ., 2001. 119 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. V 30 vyp. Vyp. 4* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c. In 30 Iss. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 384 p.

Information About the Author

Tatiana Yu. Belonogova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Applied and Theoretical Linguistics, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russia, t.y.belonogova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1466-0945>

Информация об авторе

Татьяна Юрьевна Белоногова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Россия, t.y.belonogova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1466-0945>